

Время новостей. — 2000. — 18 дек. — с. 7

Меня тошнит от фильмов за 80 миллионов

Сегодня фильм Франсуа Озона «Под песком» выходит на экраны московских кинотеатров

Это одна из немногих удачных картин, продемонстрированных неделю назад в рамках фестиваля «Французское кино сегодня». В свои 33 года Озон считается одним из самых многообещающих режиссеров Европы. Российским зрителям он известен по фильмам «Крысятник», «Криминальные любовники» и «Капли воды на раскаленных скалах». После этих картин — откровенных, ироничных, шокирующих и полных театральной условности — от Франсуа Озона ждали очередного «вызова». Однако его новый фильм «Под песком» — спокойный, медитативный, в чем-то напоминающий «Три цвета: синий» Кшиштофа Кесьлевски. После 25 лет супружеского счастья муж героини бесследно исчез. Женщина не разрешает себе верить в его смерть.

С режиссером Франсуа ОЗОНОМ и исполнительницей главной роли Шарлоттой РЭМПЛИНГ, приехавшими в Москву по случаю премьеры, беседует Анна СТАРОБИНЕЦ.

-В прошлом интервью газете «Время новостей» вы говорили, что собираетесь снять свой самый французский фильм. «Под песком» получился таким?

— Когда работа над фильмом закончилась, он на самом деле показался мне более французским, потому что он более классичен по манере. Прежде я делал очень формальные фильмы, которые работали на эффекте отстранения и отстранения. Я был как бы исследователем, который смотрит на насекомых. Этот фильм работает на отождествлении и понимании персонажа зрителем.

— Какие впечатления у вас остались от работы с Шарлоттой Рэмплинг? Нет ли в ней английского снобизма?

— Совсем нет. Может быть, у

нее такой имидж — люди часто представляют ее недоступной английской звездой. Мне же она показалась очень человеческой женщиной, которая многое перенесла. Она была готова разрушить свой имидж звезды ради более трогательного человеческого образа, поэтому согласилась сниматься у меня в более бытовом стиле, не так, как ее снимали предыдущие режиссеры. И мне это очень приятно — между нами установилось настоящее доверие. Она очень верила моему фильму и моему взгляду на героиню. Для меня это очень важно, потому что я люблю работать в неконфликтной обстановке.

— Почему вы выбрали на эту роль именно ее?

— Потому что мне нужна была очень красивая 50-летняя женщина, а таких красивых, как

Шарлотта, очень мало. К тому же достаточно оригинально взять ее на такую роль — обычной женщины, с которой можно себя отождествить.

— Вы любите играть с жанрами. Какой жанр избран на этот раз?

— Это психологическая мелодрама. Но вообще я не ставлю себе жанровых ограничений. Я хочу просто рассказать о том, что мне близко. Историю, положенную в основу этой картины, я сам лично пережил. Когда-то в детстве я был свидетелем того, как женщина потеряла на пляже своего мужа, и я все время себя спрашивал, что с ней произошло потом.

— Вас часто называют «преемником» Бунюэля, Трюффо, Рене. Вы считаете их своими учителями?

— Нет. Я их очень люблю, но не стоит меня с ними сравнивать. Режиссеры «новой волны», ко-

нечно, подарили нам новый способ создания фильмов: гораздо свободнее, на малые деньги, зачастую с необработанным сценарием. Но есть и очень сильно интересующие меня иностранные режиссеры, такие как Бергман, Хичкок, частично Альмодовар.

— А что вы думаете о фон Триере?

— В нем мне нравится то, что всякий раз он делает разные фильмы, его «Догма» — это всегда эксперимент. Но, думаю, «Танцующая в темноте» слишком уж манипулирует сознанием зрителя, это ловкачество. К тому же мне как французу трудно поверить, что Катрин Денев может хорошо сыграть работницу на заводе.

— Во сколько вам обошелся ваш фильм?

— В девять миллионов франков — не много для французского фильма.

— Вы так хотели или сокращение бюджета было вынужденным?

— Да, я хотел сделать недорогой фильм. Поскольку мои картины не всем нравятся, важно, чтобы они были рентабельны. Если я позволю себе очень большой бюджет и фильм не пойдет, то в последующие лет 50 мне вообще не удастся снимать кино. Лучше уж я буду снимать недорогие фильмы, где я свободен. Вообще кино — это очень дорогая вещь, и меня

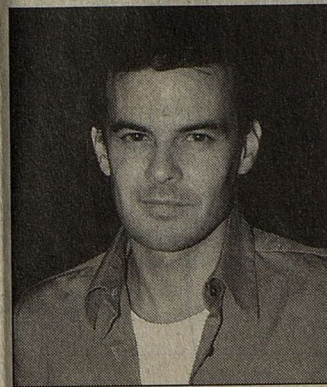
просто тошнит, когда я вижу фильм, стоящий 80 миллионов, а бы на эти деньги снял восемь.

— Ваши фильмы обычно либо сразу нравятся, либо нет. Вы считаете, что это хороший или дурной знак?

— Для меня — хороший, потому что я предпочитаю фильмы, на которые есть резкая реакция. Значит, там было что-то сильное. Лучше пусть говорят «я терпеть не могу ваш фильм», чем «ничего, симпатично». Вообще я думаю, мои фильмы с гомосексуальной тематикой больше нравятся женщинам — они в принципе умнее мужчин, к тому же лучше понимают отношения доминирования. А мужчинам гораздо труднее идентифицировать себя с гомосексуалистом. Может быть, они так беспокоятся именно потому, что опасаются за свою гетеросексуальность. Думаю, особенно русские парни, этикие «мачо», очень боятся для себя женской доли.

— В каждом интервью с вами так или иначе затрагивается тема гомосексуализма. Вас это не раздражает? Вы не расцениваете это как вмешательство в свое личное пространство?

— Но о своей личной жизни я не говорю — только о том, что в моих фильмах. Очень часто в них идет речь о подростках, еще только открывающих свою сексуаль-

ность. Мои персонажи зачастую просто «белые страницы», не обладающие своей самостью, и они, как и я, экспериментируют.

— Что вы думаете про сегодняшнее состояние французского кинематографа?

— Думаю, что французское кино сейчас на стадии преобразования. Прежде во Франции шла война между авторским кино — острым и малобюджетным — и крупными классическими блокбастерами. Сейчас, ввиду набега американского кино, возникла солидарность. Наша страна по-настоящему сопротивляется американскому нашествию, она сейчас единственная, где национальное кино имеет 30% от кассовых сборов, тогда как в других странах не больше пяти.

— У вас уже есть какой-то новый проект?

— Да, это комедия, где задействованы только женщины. Будет смешно и зло. Страсть и ненависть.